

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КУЛИНАРНЫХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. Юрина

*Статья выполнена при финансовой поддержке
Совета по грантам Президента РФ. Грант № МД-423.2007.6*

Аннотация. В русле антропологического подхода к языку рассматривается проблема языкового воплощения «кодов культуры» в семантике образных слов и выражений. Описываются лексико-фразеологические поля, эксплицирующие систему кулинарных образов, в русском и итальянском языках.

Ключевые слова: образное лексико-фразеологическое поле, метафора, образные слова и выражения, кулинарный код культуры.

Антропоцентрический подход к исследованию языка сфокусировал внимание лингвистов на проблеме описания системы языковых образов как национально и культурно окрашенного «образного кода», вербализуемого совокупностью языковых средств и регулярно воспроизводимого в дискурсивной практике. Разные грани системности образного строя языка описываются в работах, посвященных языковой метафоре, образной лексике и фразеологии, когнитивным и лингвокультурологическим аспектам языкового миромоделирования [1–7]. Под **образным строем языка** мы понимаем закрепленную в узусе национально и культурно-исторически обусловленную систему образов, метафорически реализованную в семантике единиц лексико-фразеологического уровня языка, регулярно воспроизводимую в актах коммуникации и формирующую языковую картину мира носителей языка [7. С. 6].

Минимальными единицами понятийного пространства образного строя языка выступают типовые для определенной культуры образные представления. Это вторичные ментальные образы, основанные на «совмещении двух картин»: первичного чувственно воспринимаемого (перцептивного) образа, характеризующего номинируемый концепт, и самого образно номинируемого концепта на основании реальной или мнимой общности их характеристик. Например, образные слова **медоточивый, медовый, сладкогласный, сладкоречивый** ‘утрированно-нежный, льстивый, угодливый’ (о речи: голосе, словах; об улыбке, выражении лица); **слащавый, приторный, сладкий** ‘чрезмерно ласковый, любезный, умильный, угодливый’ (о человеке, его манере общаться: выражении глаз, лица, словах и т.п.) выражают образное представление, ассоциативно связывающее впечатление, производимые голосом, манерой речи и поведения

чрезмерно угодливого, заискивающего человека со вкусовыми ощущениями от сладких продуктов.

Минимальными единицами языковой экспликации типовых образных представлений являются образные слова и выражения. Комплексные единицы образного строя языка представлены различными типами образных парадигм, которые исследователями часто интерпретируются как образные или метафорические поля, объединенные на основании семантической общности тех или иных элементов образных представлений [7. С. 6–7, 35–47].

Образная лексика и фразеология как особый класс языковых единиц неоднократно выступали объектом многоаспектных лингвистических и лингвокультурологических исследований на материале различных языков [3, 4, 7–11]. Исследователями отмечались такие качества образных средств языка, как двуплановость, метафоричность, мотивированность и идиоматичность семантики; наличие чувственно-наглядного компонента значения; выражение эмоционально-оценочного отношения к называемому явлению со стороны говорящего. В силу этих качеств именно образный словарный фонд языка обладает наибольшей национальной специфичностью и передает системой своих значений культурно окрашенный образ мира, отразившийся в языке.

К числу образных лексических средств традиционно относятся:

1. Слова с переносно-образным вторичным значением, или языковые метафоры – *пицца / cibo* ‘то, что служит источником для чего-л.’ (*Порыв к творчеству может так же легко угаснуть, как и возник, если оставить его без пицци.* Паустовский. Золотая роза); *умаслить* ‘добиться чьего-л. Расположения лестью, лаской, подарками, как бы смазав маслом’ (*Проси у них согласия и благословения. Только не торопись; умасли наперед сестер, а мать противиться твоему желанию не станет.* С. Аксаков. Семейная хроника); *mangiare* ‘расходовать, тратить’ от первичного ‘есть, кушать’ (*Mangiare tutto il patrimonio* – букв. Съесть все имущество); *ricotta* ‘о бесхарактерном, слабом человеке’ от первичного значения ‘мягкий сыр’.

2. Слова с первичным образным значением, возникшим в результате метафорического словопроизводства, или собственно образные слова – *приесться* ‘надоесть, наскучить, потерять привлекательность, словно надоевшая пицца’ (*Я просто говорю, что мы друг другу приелись.* Тургенев. Отцы и дети); *рогалик* ‘булочное изделие в форме полумесяца, напоминающее рога’, *pasticcicare* 1) ‘путать, запутывать’, 2) ‘халтурить, плохо выполнять работу’ (от *pasticcio* ‘пирог, запеканка, паштет’).

Образные выражения представлены устойчивыми образными сравнениями, идиомами и оборотами речи разной структуры: *как кисель* ‘о любой вязкой жидкости’; *мало каши ел* ‘о слабом человеке’; *не свариишь каши с кем-л.* ‘не договоришься’; *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке, в своё удовольствие’; *cuocere nei proprio brodo* («приготовить в

собственном бульоне») ‘делать, решать самостоятельно, не слушая чужих советов’. Образные средства языка реализуют в своем значении ассоциативное сближение разнородных объектов и явлений действительности на основании их реального или воображаемого ассоциативного сходства. Они воплощают в языке когнитивную метафорическую модель: именуют и характеризуют одну понятийную область «в терминах» другой понятийной области [12]. Система исходных первичных образов (гештальтов, фреймов), относящихся к одной понятийной области, служит своеобразным культурным кодом, сквозь призму которого национально-культурная общность осмысляет и характеризует различные явления действительности. Выделяются антропоморфный, зооморфный, фитоморфный, натуроморфный, пространственный и др. коды культуры [13, 14]. Определённый научный интерес представляет исследование *кулинарного кода* культуры в семантике образных слов и выражений в силу своей малоизученности и высокой культурологической значимости.

Как в русском, так и в итальянском языке встречается немало образных слов, называющих продукты питания, а также образных обозначений, характеризующих различные явления окружающего мира посредством кулинарной метафоры. Это свидетельствует о ценностной значимости гастрономической сферы в практической жизнедеятельности человека и культурологической значимости национальной кухни как символического (образного, обрядового, ритуального) кода культуры [15]. Известно, что чем больше существует в языке однословных наименований для ограниченной семантической области, тем более значимой для культуры народа она является. Факт метафорической номинации свидетельствует об особом отношении субъекта языка к называемому объекту, получающему в результате образной интерпретации, закреплённой в наименовании, чувственно-наглядную и/или экспрессивно-оценочную характеристику.

Наименования продуктов питания могут включать в качестве образных оснований представления о различных явлениях действительности, или, наоборот, кулинарные образы становятся источником метафорической номинации для явлений других концептуальных сфер.

Значения образных слов реализуют два типа уподоблений:

Уподобление предметов и явлений различных категориальных классов в пределах материальной сферы жизни на основании сходства их физических свойств: антропоморфные образы – *глазунья* ‘яичница из цельных жареных яиц, по форме напоминающая глаза’; зооморфные образы – *рожки*, *ракушки*, *vermicello* ‘мелкие тонкие макароны (вермишель)’ от *vermicello* ‘червячок’; фитоморфные образы – диал. *розаницы* ‘печенье в форме розы’, *хворост* ‘печенье, напоминающее сухие ветки’; предметные образы – *spaghetti* ‘тонкие макароны’ от *spaghetto* ‘тоникая веревка, шпагат’.

Образная характеристика называемых продуктов связана здесь с эталонным обозначением их формы. В языковой (наивной) картине мира форма предмета часто связывается с определенным «эталонным» маркером этой формы, что наглядно демонстрируют названия разных сортов макаронных изделий, которых в итальянском языке великое множество: *sigarette* – сигареты, *capelli* – волосы, *stellette* – звездочки, *creste* – гребешки и т.д. Форма кулинарного продукта, как правило, и является его отличительным признаком, который маркируется образной номинацией. Сами наименования кулинарных продуктов тоже нередко выступают в языке как эталоны формы. Они задействованы в качестве мотивирующего основания в образных обозначениях различных предметов и явлений: *баранка* ‘руль автомобиля’; *калачом, калачиком (свернуться)* ‘наподобие калача, подобрав к согнутому телу руки и ноги’ // округло согнув руки или ноги’; *блин / лепёшка* ‘о различных предметах в форме диска’.

Помимо формы, кулинарные образы выражают представление о консистенции, структуре вещества: *тесто / pasta* ‘что-л. вязкое’; *крупа, крупитчатый, зернистый* ‘о чем-л., состоящем из очень мелких округлых частиц’; *студень, студенистый, желеобразный* ‘о чём-л., имеющем консистенцию загустевшей жидкости, напоминающей студень или желе’. Приведем примеры контекстного словоупотребления, демонстрирующие наглядно-изобразительную функцию образных слов: *Начинаются оттепели... Снег делается зернистым, ноздреватым, отседает, чернеет.* Паустовский; *Сухо и резко зашуршал крупитчатый песок на срезе берега.* Нагибин; *В бухте плавали в большом количестве медузы. Эти студенистые существа напоминали ламповые абажуры, украшенные затейливой резьбой.* Новиков-Прибой. Сравните последний контекст с английским названием медузы *jelly-fish* (букв. рыба-желе). Форма и консистенция продукта или блюда используется в русском и итальянском языках для характеристики физических данных человека: фигуры, комплекции: *квашня* ‘толстый, рыхлый человек’; *пышка* ‘о пухлой женщине или ребёнке’; *e' soda (-o)* («как варёное яйцо») ‘о человеке с крепкими мышцами, упругим телом’; *essere di pasta frolla* («быть из жидкого теста») а) ‘дряблый, рыхлый о теле, мышцах, коже человека’, б) ‘уставший, вялый’.

Второй тип уподобления связан с моделированием сфер жизни, недоступных чувственному восприятию: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой, интеллектуальной, социальной, абстрактно-категориальной, – по образу и подобию явлений предметного мира. Так, кулинарные образы могут быть задействованы при характеристике:

1) внешнего вида, движений, походки человека: *gnocco* ‘увалень, неуклюжий человек’ (от первичного *gnocco* ‘галушка, клецка’); *pasticcione* ‘грязнуля’ (от *pasta* ‘тесто’); *alto come un soldo di cacio* («высокий, как сыр за один сольдо») ‘маленького роста, маленький’;

2) эмоциональных состояний и выражения эмоций: *приестся* 'надоесть, наскучить, потерять привлекательность, словно надоевшая пища'; *cibarsi di speranze* («питаться надеждой») 'надеяться'; *sono stufa* («я тушенная» от *stufato* 'тушеное мясо') 'мне надоело';

3) черт характера и нравственных качеств человека: *тертый калач* 'опытный, видавший виды человек'; *pastocchione* 'добродушный толстяк' (от *pasto* 'еда, принятие пищи'); *ricotta* 'бесхарактерный, слабый человек' (от *ricotta* 'мягкий сыр'); *persona di pasta frolla* («человек из жидкого теста») 'бесхарактерный, слабовольный человек'; *persona di grossa pasta* («человек из грубого теста») 'простой, грубый, невоспитанный человек'; *buono come il pane* («хороший, как хлеб») 'добрейшей души человек'; *ne carne, ne resce / ni рыба, ni мясо* 'о человеке, не имеющем отличительных индивидуальных свойств';

4) социального поведения человека и отношений в обществе: *вешать лапшу на уши* 'говорить неправду, вводить в заблуждение'; *avere le mani in pasta* («иметь руки в тесте») 'быть замешанным в каком-то деле'; *mangiare a ufo / a scrocco* 'жить за чужой счет'; *cibare di promesse* («кормить обещаниями»); *mangiare vivo* («съедать жизнь») 'ругать, отравлять жизнь, терзать, мучить';

5) явлений, относящихся в различным сферам жизнедеятельности человека: межличностные отношения, социальная деятельность т.п.: *хлеб насущный* 'самое важное, необходимое для существования'; *пицца, cibo* 'то, что служит источником для чего-л.' (*пицца для души, cibo per l'anima*); *pastetta* 'мошеничество, сговор' (от *pastetta* 'блинное тесто');

6) качеств широкого круга явлений: *как сыр в масле кататься* 'жить в достатке, в своё удовольствие'; *печь, как блины* 'быстро делать что-л. в большом количестве'; *non e cibo per i suo denti* («пицца не по зубам») 'о сложном деле, неразрешимой проблеме'; *cascar come il cacio sui maccheroni / come il formaggio sui maccheroni* («подходить, как сыр для макарон») 'быть как нельзя более кстати'.

Группы образных слов и выражений, вариативно реализующие сходные образные представления в рамках устойчивых метафорических моделей, составляют образные лексико-фразеологические парадигмы, которые в зависимости от семантической близости образного основания с единицами других подобных парадигм могут объединяться в более крупные языковые структуры – образные лексико-фразеологические поля [7]. Например, все образные средства языка, реализующие в качестве образного основания представления о приготовлении пищи и блюдах национальной кухни, могут составить обширное лексико-фразеологическое поле кулинарных образов. Совокупность всех образных единиц поля демонстрирует фрагмент национальной метафорической картины мира, связанный с образным переосмыслением исходного базового концепта «ЕДА / ПИЦЦА».

Особенностью метафорического миромоделирования, результаты которого воплотились в семантике образных средств языка, является

включенность базового исходного образа в устойчивый сценарий (фрейм) его бытования. Структура фрейма содержит комплекс типовых ситуаций (слотов), каждый элемент которых может быть переосмыслен в процессе метафоризации [1–3, 6]. Так, представления о кулинарных блюдах или продуктах питания, включающие знания об их форме, размере, вкусе, запахе, структуре и т.п., связаны также с процессуальными ситуациями приготовления блюд из определенных продуктов и их поглощения субъектом с учетом всевозможных обстоятельств этих процессов.

В значении отдельной образной лексико-фразеологической единицы запечатлен лишь фрагмент метафоризации комплексного сценария: процесс приготовления (*вариться в собственном соку* ‘жить, работать, решать какие-то вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не общаясь’; *cuocere nei proprio broodo* («сварить в собственном бульоне») ‘сделать что-л. самостоятельно, не слушая чужих советов’); характер действий в процессе приготовления блюда (*girare la fritatta* (букв. перевернуть яичницу) ‘исказить смысл слов, суть происходящего’); результат процесса приготовления блюда с учетом качества полученного продукта (*первый блин всегда комом* ‘первый опыт не вполне удачен’; *non tutte le ciambelle riescono col buco* («не все пончики получились с дырочками») ‘не все удалось в равной степени хорошо, имеются некоторые недостатки’); форма (*рогалик* ‘булочка, по форме напоминающая рог’); структура (*леденец* ‘карамель, прозрачная и тающая, как лед’); вкус (*анпетитный* ‘внешне привлекательный, соблазнительный (обычно о женщине)’; *zuccherino* ‘об очень приятном, милом человеке’ от *zucchero* ‘сахар’); размер (*крошка, крошечный* ‘об очень маленьком человеке или предмете’) и другие свойства продукта; процесс подачи блюда (*подавать что-л. под каким-л. соусом* ‘преподносить информацию под определенным углом зрения’; *ни под каким соусом* ‘ни под каким видом, ни в каком случае’) и поглощения пищи (*есть глазами, mangiare con gli occhi* ‘пристально, с напряжением смотреть на кого-л.’).

На примере лексико-фразеологической парадигмы «изделия из теста» в русском и итальянском языках можно наблюдать, как общая для двух языков метафорическая модель, ассоциативно связывающая процесс приготовления блюд из теста с социальной деятельностью человека, по-разному воплощается в образном строе каждого языка. Представления, связанные с приготовлением пирогов и других изделий из теста (сфера материального быта человека и его физических действий), легли в основу образного именованного целого ряда различных явлений жизни из области социального поведения человека. Это образные наименования трудового процесса вообще в итальянском языке (*pasticcio* ‘работа, дело’ от первичного значения *pasticcio* ‘пирог, запеканка’) и результатов деятельности в русском языке (*вот такие пироги* ‘вот так обстоят дела’). В основе метафорического уподобления здесь лежит представление о приготовлении пирогов как достаточно трудоемком, но привычном, обыденном процессе,

требуемом времени, внимания, терпения, умения, что характерно для любой работы вообще.

Процесс «стряпни», предполагающий замешивание теста, когда смешиваются различные ингредиенты (вода, мука, яйца), пачкается посуда и сам повар оказывается в муке или тесте, ассоциируется у носителей итальянского языка с чем-то непонятным и запутанным (*pasticciare* ‘путать, запутывать’; *pasticcione* ‘тот, кто все путает’). Этот же образ в двух языках связан с выражением представления о неаккуратности и недобросовестности человека (просторечное *устряпать(ся)* ‘испачкать(ся)’; *состряпать что-л.* ‘сделать быстро и некачественно’, *pasticciare* ‘халтурить, плохо выполнять работу’; *pasticcione* ‘грязнуля’), а также с чем-л. обманным и незаконным (*обстряпать дельце* ‘совершить незаконные операции’; *быть замешанным в чем-л.* ‘участвовать в незаконных делах’; *pastetta* ‘мошенничество, сговор’ от первичного *pastetta* ‘блинное тесто’; *mettersi nei pasticci* (букв. попасть в пироги) ‘впутаться в неприятную историю’). Образ поднимающегося на дрожжах теста в семантической структуре образных слов и выражений служит средством характеристики быстрого физического роста человека и других живых существ или интенсивного увеличения материальных богатств, количественных показателей. В русском языке – *расти как на дрожжах* ‘быстро и интенсивно прибавлять в росте (о человеке), в количестве (об имуществе, деньгах, процентах и т.п.)’. В итальянском – *lievitare* ‘быстро и значительно увеличиваться (об имуществе, деньгах, процентах и т.п.)’ от *lievito* ‘дрожжи’.

Рассмотренные примеры показывают, что при сходстве типовых образных представлений в исследуемых языках отсутствуют прямые межъязыковые лексические эквиваленты, в чем и проявляется своеобразие национальной языковой картины мира. Наблюдения над «кулинарной лексикой» русского и итальянского языков показали, что в них достаточно подробно представлена номенклатура семантической группы «блюда из теста». Сюда включаются слова *тесто* / *pasta*, обозначающие родовое понятие, наименования разновидностей теста (рус. *квашня* ‘дрожжевое тесто’; итал. *pastetta* ‘блинное тесто’), названия кулинарных изделий из теста (итал. *pane* ‘хлеб’; *maccheroni* ‘макароны’; *lasagne* ‘широкая лапша’; *lasagnone* ‘крупная лапша’; *spaghetti, gnocco* ‘галушка, клецка’; *torta* ‘торт’ и др.; рус. *хлеб, калач, каравай, бублик, рогалик, пирог, пирожок, лепёшка, блин, пончик, торт, пирожное, лапша, вермишель, макароны* и др.).

Блюда из теста составляли основу традиционного рациона, служили повседневной пищей (недорогие, повсеместно распространенные, подлежащие длительному хранению) и в то же время входили в число традиционных ритуальных и праздничных кушаний. Основным повседневным блюдом из теста является хлеб. И в русском и в итальянском языках слова *хлеб* и *pane* могут иметь расширительное значение ‘выпеченное изделие из теста, любое хлебобулочное изделие’, а также расширительное метонимическое значение ‘еда вообще’, закрепленное в библейской традиции

(«Хлеб наш насущный дай нам днесь...»). Эти слова в обоих языках имеют образные (переносно-метафорические) значения 'заработок, средства к пропитанию, существованию' (пользоваться чужими средствами *mangiare il pane a ufo* – есть чужой хлеб, *нахлебник*). Слово *хлеб* имеет также культурно-символический компонент значения, включающий амбивалентные смыслы: 1) жизненно важная ценность, источник жизненных сил, оцениваемый исключительно положительно (*Хлеб – всему голова, хлеб-батюшка, buono come il pane* – добрейшей души человек), 2) плотское, земное начало, в противовес духовному (*Не хлебом единым...*).

Второй символический смысл не связан с отрицательной оценочной коннотацией и практически нейтрализуется, т.к. хлеб является недорогим и постным кушаньем, в связи с чем символизирует 3) скромную или бедную жизнь (*перебиваться с хлеба на воду, жить на хлебе и воде* 'бедно жить') или трудную судьбу, долю (*mangiare il pane pentito* – есть горький хлеб 'испытывать сожаления о произошедшем'). В целом культурологическая (образно-символическая, аксиологическая, мифологическая) семантика хлеба совпадает в двух языках. Различия проявляются в том, что, в отличие от русского, в итальянском слово *pane* может выражать значение 'кусочек чего-л.' (кусочек мыла), а в русском языке, в отличие от итальянского, слово *хлеб* имеет метонимическое значение 'зерновые культуры, из которых делается мука для выпечки хлеба', это свидетельствует о том, что в русском языке представление о хлебе концептуализируется скорее как о продукте в вещественном значении (*кусочек, булка, батон, кирпич хлеба*), а в итальянском, наоборот, как артефакт, имеющий определенную пространственную форму, т.е. в предметном значении.

Различия группы «изделия из теста» в двух языках проявляются в том, что если в русской культуре более подробно и разнообразно именуется выпекаемые изделия (хлебо-булочные: *калач, кулич...*), то в итальянской – высушенные изделия из пресного теста, требующие варки в воде, т.е. макаронные изделия (*spaghet, vermicelli...*), которые в русском языке имеют несколько исконных наименований *лапша, галушки, рожки*, а остальные являются заимствованными из итальянского (*макаронны, вермишель, спагетти*). Само слово *testo / pasta* имеет в итальянском языке иную семантическую структуру. Оно выражает родовое понятие 'макаронные изделия' (в русском языке – макаронны), имеет метонимическое переносное значение 'пирожное', переносные метафорические значения: 1) 'клейкая густая масса, месиво', реализующая уподобление по сходству физических качеств (консистенция, структура вещества), и 2) 'характер, нрав человека' (эта же метафорическая модель воплотилась в образной семантике фразеологизмов «сделан из какого теста?»: *persona di grossa / buona / frolla pasta*, которые уже назывались).

Составляя жизненно важную потребность человека, пища является, с одной стороны, непременным атрибутом его повседневной жизни, а с другой – ценностно значимым объектом в обыденной картине мира. Без-

условно, это проявилось в языке и закрепилось в языковой картине мира следующим образом:

1. Кулинарная лексика часто является производной и образно мотивированной, сохраняет живую внутреннюю форму слова: *баранка* 'булочное изделие в форме кольца, напоминающее рог барана'; *трубочка* 'сорт пирожного в виде трубочки с кремом внутри'; *хворост* 'сорт хрустящего, жаренного в масле печенья'; *vermicelli* 'мелкие тонкие макароны (вермишель)' от *vermicello* 'червячок'; множество наименований сортов макарон, выражающих сходство по форме: *spaghetti* от *spaghetto* 'тонкая веревка, шпагат'; *sigarette* – сигареты; *stellette* – звездочки; *capelli* – волосы; *creste* – гребешки; *рожки*, *ракушки* и др.

2. Кулинарная лексика часто служит источником образных наименований и образных характеристик различных фактов и явлений действительности: *квашня* 'толстый человек с расплывшейся, рыхлой фигурой'; *кисель* а) 'вялый, слабовольный человек', б) 'вязкая полужидкая масса'; *пышка* 'о пухлом ребёнке или женщине'; *gnocco* 'увалень, неуклюжий человек' от первичного значения 'галушка, клецка'; *pezzo di pane* 'добрый, хороший человек' от первичного «кусочек хлеба»; *minestrone* 'сложное, запутанное дело' от первичного названия супа.

3. Кулинарная лексика входит в состав фразеологизмов и устойчивых сравнений: *не лаптем щи хлебать* 'быть не хуже других'; *заварить кашу* 'затянуть хлопотливое дело'; *уха их петуха* 'ерунда, что-то нелепое'; *как сыр в масле кататься* 'жить благополучно, в достатке, изобилии'; *hai fatto un minestrone / e' un minestrone* («сделано, как суп «минестроне») 'о нелогичном, непонятном тексте, произведении'; *ciliegina sulla torta* («вишенка на торте») 'прекрасное завершение чего-л., яркая заключительная деталь чего-л.'.

4. Кулинарная лексика в образном функционировании выражает ценностные установки говорящих, дает ценностную характеристику называемых объектов и выражает эмоциональное отношение к называемым явлениям действительности. Например, в русском языке образная парадигма слов, мотивированных лексемой *каша* 'сваренное на воде или молоке кушанье из крупы', связано с отрицательной коннотацией 'что-то запутанное, сложное, как будто всё перемешалось, как крупа в каше <и это плохо>': *каша* 'неразбериха, путаница'; *каша в голове* 'отсутствие понимания, порядка в мыслях'; *заварить кашу* – 'затянуть сложное, хлопотливое дело'; *заваруха* 'сложное, запутанное дело, сумятица' в среднеобском диалекте *заваруха* 'мучная каша, завариваемая на молоке или воде'; *расхлёбывать кашу* 'распутывать неприятное, сложное дело'. В итальянском языке качества теста (*pasta*) ассоциативно связываются с ценностными характеристиками человека: 1) его характера *persona di grossa pasta* (человек из грубого теста) – простой, грубый, невоспитанный человек; *persona di buona pasta* (человек из хорошего теста) – добродушный человек, добряк; *persona di pasta frolla* (человек из жидкого теста) –

бесхарактерный, слабовольный человек; 2) внешнего вида и 3) состояния человека: *essere di pasta frolla* (быть из жидкого теста) а) дряблый, рыхлый о теле, мышцах, коже человека, б) уставший, вялый.

5. Кулинарная лексика и фразеология как в прямом исходном, так и в переносно-образном употреблении обладает ярким национальным колоритом, всегда оказывается национально окрашенной и согласно «лингвострановедческой теории слова» (В.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) содержит так называемый «культурный» или «страноведческий» компонент.

Многие наименования блюд национальной кухни, послужившие источником образного именования и характеристики, являются безэквивалентными. Они не имеют семантических аналогов в других языках (*блины, калач, щи, уха*) и заимствуются в случае распространения этого блюда или продукта, как произошло с заимствованиями в русский из итальянского *макарены, вермишель, спагетти, пицца, лазанья*. В системе обыденных представлений человека о мире образ определенного этнического сообщества (народа или государства) неразрывно связан со сложившимися в родной культуре устойчивыми социокультурными стереотипами, в число которых входят традиционные продукты питания и блюда национальной кухни. Они выступают своеобразными «маркерами» национальной идентичности и самоидентичности, входя в систему образных средств языка и паремиологический фонд (в состав устойчивых фольклорных формул, пословиц, поговорок): *щи да каша – пища наша; и я там был, мёд, пиво пил*.

6. Кроме своего бытового функционирования, традиционные национальные блюда оказываются связаны с ритуальными действиями в различных обрядах, где выполняют магическую функцию, а кулинарная лексика наполняется в соответствующих контекстах сакральным смыслом и несет обрядовое значение: *хлеб* и *вино* в христианских церковных обрядах, *блины, пирог, каша, кисель* в русских свадебном и похоронном обрядах [15]. По мнению ряда исследователей (Н.Ф. Сумцов, О.М. Фрейденберг), трапеза всегда носит в той или иной степени ритуализированный характер, а наименования кушаний несут ещё и символический смысл. Еда в целом является символом богатства, изобилия, благополучной жизни, с чем связана традиция много есть в праздники, на свадьбе, на поминках. Это отразилось, например, в русских поговорках *наелся, как дурак на именинах / на поминках* 'слишком много съел'. В каждой культуре присутствует и другая традиция – отказываться от еды как от символа земных благ в пользу благ духовных во время постов, активной духовной работы (библейский афоризм *не хлебом единым жив человек*).

Следовательно, названия продуктов питания, блюд и кушаний, их качеств, а также процессов их приготовления и употребления обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой, а в своем образном функционировании отражают особенности национального мировидения и миропонимания, служат ярким примером образного отражения действительности в языке, формируют метафорический фрагмент нацио-

нальной картины мира. Лексико-фразеологическое поле, эксплицирующее систему образных и символических смыслов, связанных с блюдами традиционной кухни, а также их функционирование на бытовом и сакральном уровнях, воплощает «кулинарный код» национальной культуры, который можно рассматривать как средство национальной идентификации и самоидентификации.

Литература

1. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз., 1991. 193 с.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
3. *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1998. 204 с.
4. *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
5. *Телия В.Н.* «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 93–98.
6. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Пермь, 2001. 238 с.
7. *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 155 с.
8. *Блинова О.И., Юрина Е.А.* Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
9. *Казakov А.В.* К проблеме образных средств, содержащих названия частей тела, в английском языке // Вопросы романо-германской филологии. Киров, 2000. С. 33–37.
10. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 464 с.
11. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 287 с.
12. *Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 185–189.
13. *Пименова М.В.* Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 124–142.
14. *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград: Перемена, 2003. С. 7, 138–152.
15. *Банкова Т.Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке // Вестник Том. гос. ун-та: Бюл. операт. науч. информ. «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 20–33.

LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD OF CULINARY IMAGES IN THE RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES

Yurina E.A.

Summary. Within the framework of anthropological approach to language the problem of linguistic manifestation of «cultural codes» in semantics of image-bearing words and expression is examined. Lexico-phraseological fields are described, making explicit the system of culinary images in the Russian and Italian languages.

Key words: cultural culinary code, metaphor, image-bearing words and expressions, lexico-phraseological field.